18+

МИХАИЛ ЧЕПУРНОВ

Сага в калейдоскопе. То же пьеса

Михаил Чепурнов

Сага в калейдоскопе. То же пьеса

«Издательские решения»

Чепурнов М.

Сага в калейдоскопе. То же пьеса / М. Чепурнов — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Мне всегда было любопытно, какими же закономерностями управляется наша жизнь. Наблюдая из года в год за происходящим я осознал, что закономерности эти очень похожи на простое и случайное перемешивание разноцветных стекляшек внутри калейдоскопа. Повернул — новая картинка, потом ещё и ещё. Только вот не ты крутишь этот калейдоскоп.Книга содержит нецензурную брань.

© Чепурнов М.
© Издательские решения

Содержание

1 6
2 10
3 13
4 15
5 16
6 18
7 20
8 24
9 26
10 28
11 29
12 30
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Сага в калейдоскопе. То же пьеса

Михаил Чепурнов

© Михаил Чепурнов, 2026

ISBN 978-5-0071-5108-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Возле магазина «Океан» на Волгоградском проспекте остановилась чёрная «Волга». Из машины вышел высокий, седой, средних лет мужчина, крепкий, крупный, мускулистый, с уже довольно большим животом — Борис Михайлович Каменев, директор этого магазина. Он привычно снял «дворники» с поводков, открутил левое зеркало и убрал в багажник — когда оставляешь машину на целый день, нельзя быть уверенным в том, что «дворники» или зеркало не украдут. Уверенно, с видом хозяина, с высоко поднятой головой и спокойным выражением на лице Борис Михайлович вошёл в «свой» в рыбный магазин, прошёл через торговый зал, открыл дверь с надписью «Служебный вход» и через служебное помещение, где в каждом проёме висели прозрачные, слегка желтоватые вертикальные жалюзи из толстой мягкой резины, попал в свой кабинет с коричневым прямоугольником стеклянной таблички «ДИРЕКТОР». Кабинет был украшен плакатами с красочными изображениями различных деликатесов, информирующими потенциальных покупателей о достижениях советской торговли и призывающими покупать чёрную икру, крабов, рыбные консервы и живую рыбу; почётными грамотами за личные достижения Бориса Михайловича, а также за достижения возглавляемого им магазина: «За высокие показатели», «За активное участие», «В связи с…» и подобные им. Окинув взглядом стол, на котором во множестве лежали бумаги, тетради и блокноты, Борис Михайлович по привычке скромно присел на край стула, выпрямил спину и сосредоточенно, задумчиво замер, словно разгадывал застывший на это мгновение в ожидании его решения шахматный этюд. «Боже, как много всех этих дел каждый день! Обходы, проверка приходов, проверка уходов, накладные, продавцы, кладовщики, товароведы, депутатские бумаги…». Тут он положил ладонь правой руки на стопку бумаг. «Почему? Почему в городе Москве люди, живущие после бараков и коммуналок в прекрасных, благоустроенных, новых домах, СОВЕТСКИЕ люди — бьют стёкла, воруют светильники и лампочки, гадят в подъездах?! Гадят и гадят, гадят и гадят… М-м. Быдло.»

Зазвонил телефон.

— Да, Анна Ванна. Сейчас депутатские дела, не могу. Да, мне нужно подготовить справку «О подготовке жилых домов к эксплуатации в зимний период» по нескольким адресам. Потом мне необходимо отчитываться перед избирателями, которые завалили наказами и жалобами. Потом нужно подготовить доклад, — он переложил и посмотрел в бумаги на столе и начал перечислять по пунктам, первое — о закрытии винного магазина напротив рынка, второе — об отсутствии хозяйственного магазина, третье — о плохом качестве строительства и ремонта повсеместно в домах, четвёртое — о пьянках около общежития дома 54, пятое — о пьянках в общежитии дома 54, шестое — о запрете стоянок грузовых машин около домов, седьмое — о том, что мало дружинников, восьмое — плохо почистили пруд, девятое — об отсутствии ассортимента в кулинарии, десятое — о том, что слабо вводятся предприятия культурного-бытового назначения, одиннадцатое — очередь в детские сады в 3.5 тысячи человек, двенадцатое — очередь на телефон на 3.5 тысячи лет вперёд, Вы не уснули? Анна Ванна?

— Ой, нет, нет, как можно, Борис Михайлович!

— Какой следующий пункт, я уже сбился.

— Кажется пятнадцатый.

— А вот и нет. У меня, Анна ванна все пункты записаны. Тринадцатый. Три-над-цатый!

— Господи, простите меня. То есть, Борис Михайлович. Тринадцатый, я запомню.

— Ни к чему. Итак, тринадцатый пункт — о состоянии предприятий торговли района, четырнадцатый — о торговле фасованной говядиной и субпродуктами, пятнадцатый — о проведении коммунистического субботника. А потом ещё дать резолюции по «Отчёту о работе постоянной комиссии по промышленности, транспорту и связи», «Отчёту о работе треста сто-

ловых», «О работе административных органов района по усилению охраны общественного порядка и сохранности социалистической собственности в свете решений 25 съезда КПСС». Возможно ли объять ЭТО!!! Как Вы думаете?

— Ну, э-э, да, конечно же. Дела государственные, — тут в динамике затрещало. Директор отнял трубку от уха и стал слушать издалека, после чего сказал нетерпеливо:

— Ну хорошо, заходите.

И уже через пару секунд в дверь постучала и вошла Анна Ивановна — предпенсионного возраста дама с огромным гнездом волос на голове:

— Борис Михайлович, пакет из Министерства, я Вам только что по телефону говорила.

И протянула ему пакет.

— А я помню, представьте, — Борис Михайлович съехидничал, — Ну что же там срочного?

— Технические условия на мидии черноморские. — озабоченно сообщила Анна Ивановна.

— Ну, давайте, я позже посмотрю.

— А копию надо сразу обратно в министерство, — плаксиво сказал Анна Ивановна.

— Ну, давайте я подпишу. — он взял бумагу у Анны Ивановны и размашисто написал на ней «Ознакомлен». — Всё? Спасибо!

Анна Ивановна ушла, и как только Борис Михайлович разложил перед собой многочисленные бумаги, в дверь опять постучали, и не дожидаясь ответа в кабинет уверенно вошли двое мужчин в костюмах. Не ощущая опасности, Борис Михайлович, вновь оторванный от дел, довольно грубо спросил:

— Вам что ещё?!, — и громко и раздражённо сказал в направлении открытой двери, — Анна-Ванна, почему у меня посторонние!

В это время один из вошедших мужчин ловким, отточенным жестом извлёк из нагрудного карманчика пиджака красное удостоверение с весьма авторитетной, позолоченной надписью «КГБ СССР» на обложке; затем мастерски хлопнув удостоверением пред носом растерявшегося директора магазина, он таким же отточенным движением убрал удостоверение обратно в карманчик.

— Борис Михайлович Каменев? Комитет государственной безопасности, майор Гурьев.

— А-а, да, звонили, это вы за осетриной? — пролепетал мгновенно потерявший уверенность и царственный апломб Борис Михайлович.

— Да нет. Осетринка… Гм. Не привыкли мы к осетринке вот так — запросто. Нам бы чего попроще. Мы по другому поводу. — Теперь майор Гурьев достал другую, вдвое сложенную бумагу из внутреннего кармана. — Вот постановление, ознакомьтесь. А мы пока пригласим понятых. — Он кивнул второму сотруднику, который молниеносно скрылся за дверью кабинета.

Борис Михайлович всё так же сидел на краю стула, но уже начал сутулится, словно слегка обмяк, но сосредоточенно глядя на свои бумаги, как-бы рассчитывая продолжить дела, от которых его оторвали по недоразумению. Майор Гурьев с самодовольным видом разгуливал по кабинету и читал почётные грамоты, обильно развешанные по стенам:

— ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА!

Тов. Каменев Борис Михайлович

Награждается за высокие производственные показатели в работе за 3 квартал 1977 года и в связи с 60 годовщиной Великой Октябрьской Социалистической революции.

Генеральный директор фирмы «Океан» Е. Б. Фельдман

Секретарь партбюро В. С. Львович

Председатель месткома З. А. Дуброва;

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА!

Награждается Каменев Борис Михайлович

За большой вклад в выполнение плановых заданий, активное участие в общественной жизни и в честь Дня Рыбака

Генеральный директор фирмы «Океан» Е. Б. Фельдман

Секретарь партбюро В. С. Львович

Председатель месткома З. А. Дуброва

7 июня 1977 г.

Гурьев захохотал.

— Знаешь, Борис Михайлович, а Фельдман тебе больше грамоту не даст.

— Почему? — поднимая глаза от стола тяжело и тихо спросил директор.

— Фельдмана сейчас тоже берут. Ну давай ещё посмотрим.

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

Тов. Каменев Борис Михайлович

Награждается за добросовестное отношение к работе и успешное окончание учебного заведения без отрыва от производства.

Директор торга «Гастроном» И. Коровкин

Председатель Объединённого комитета профсоюза В. Степанов

Секретарь партбюро Н. Лосев

Секретарь комитета ВЛКСМ М. Макров;

— И Коровкин тебе больше грамоту не даст. Да и вообще, теперь тебе грамоту никто не даст. Ну, разве что за ударный труд на лесоповале, да и то, на утреннем разводе, в устной форме.

В кабинет вошли понятые — сотрудники магазина: Анна Ивановна и продавец магазина в фартуке, испачканном кровью от разделки рыбы и притащивший с собой густой рыбный запах. Второй сотрудник КГБ с противоположной стороны стола достал из своего небольшого портфельчика бумагу и ручку и приготовился записывать в протокол.

— Предъявите содержимое карманов, — обращаясь в Борису Михайловичу резко произнёс майор, — понятые, прошу внимания.

Борис Михайлович начал выкладывать содержимое карманов. Гурьев диктовал, особенно уважительно отметив наличие и чистоту носового платка:

— Ключи от машины с черным брелком «Canada», носовой платок чистый, удостоверение депутата районного совета депутатов №40, абонемент №Е657 на право внеочередного приобретения билетов в кинотеатры г. Москвы, кожаное портмоне с документами на машину и деньгами (считает деньги), денег 38 рублей и сорок копеек. Попрошу встать. — вновь обратился он к Борису Михайловичу, — Посмотри, — это уже своему помощнику. Тот обыскал Бориса Михайловича, впрочем, довольно поверхностно — обшарил карманы, похлопал но ногам, животу и спине.

— Ничего. — доложил второй сотрудник.

— Граждане понятые, подпишите протокол. — Гурьев занял директорский стул и оглядывал картину задержания с довольным видом кота, только что съевшего жирную мышь. Анна Ивановна и продавец в фартуке подписали протокол и остались в кабинете молча смотря друг на друга. На Бориса Михайловича надели наручники и провели обратным путём через дверь кабинета с коричневой под стеклом табличкой «ДИРЕКТОР», небольшое служебное помещение, прозрачные, слегка желтоватые вертикальные жалюзи из толстой мягкой резины, дверь с надписью «Служебный вход». Возле его чёрной «Волги» оказалась припаркована другая, тоже чёрная, и тоже двадцать четвёртая, но к величайшему сожалению Бориса Михайловича, ему уже не приходилось выбирать, на чём и куда ехать. Его усадили на заднее сидение, и вдруг —

понеслась, полетела жизнь перед глазами, как говорят, проносится она перед смертью. Хотя что есть тюрьма для русского человека, как не разновидность смерти! Пролетела коммуналка на Дубининской улице, где он родился и с детства привык к тому, что нужно быть крепким и сильным и всегда бить первым, если кто-то не успел тебя опередить; вспомнилось что и детство и взросление пришлись на самые суровые годы — войну и послевоенное время. Пронеслась армия, где служил в спортроте и очень бедное и голодное время, когда после армии вместо поступления в институт пришлось устроиться на работу разнорабочим в рыбный магазин на Пятницкой улице, так как старший брат алкоголик обокрал родителей и пропил всё. Пропил ВСЁ. Как смог поступить в Плехановский на вечернее, в институте познакомился со своей первой женой, Раей и они переехали в свою собственную комнату в коммуналке, как у них родилась дочь… Как устроился работать в ГУМ, как умер брат, по ошибке, или специально выпив кислоты, умер в чудовищных мучениях… Как умер отец, которого он очень любил, можно сказать — боготворил. Ему улыбался сейчас отец, который чудом прошёл войну, воевал в Сталинграде, вернулся домой живой, без тяжёлых ранений, но на войне заболел, застудил почки. Когда умер отец, Борис в одну ночь поседел… Вспомнил, как стал заведующим рыбным отделом в ГУМе, и управлял тем, о чём мечтает каждый человек в Советском Союзе — дефицитом. Именно это принесло так много новых знакомых, «друзей», «связи», положение, деньги, солидность. Потом к нему в отдел пришла работать совсем молоденькая продавщица Татьяна, почти девочка, он влюбился в неё без памяти, разошёлся с женой, женился на Татьяне и у них родился такой долгожданный сын Максимка — такой интересный, розовощёкий, маленький карапуз — свой собственный сын, который так смешно говорит «пиноик» вместо приёмник, «гамазин» вместо магазин и ещё много всякого. Пролетели воспоминания про трехкомнатный кооператив, Совет Народных Депутатов, где он был депутатом, уносились вдаль, подхваченные ураганом воспоминаний лица и номера телефонов сотен людей, которым нужен был он и которые нужны были ему… Вспомнился его собственный только год назад построенный и открытый магазин «Океан», откуда его только что увезли, и увозили всё дальше и дальше. Впереди теперь могла быть только тюрьма.

2

Отвратительный лязг и грохот закрываемой железной двери за спиной разбудил мурашек под кожей по всему телу. Невзрачный, безликий надзиратель в зелёной форме открыл дверь «боксика» и кивком головы указал Борису направление внутрь. Боксик оказался отдельным грязным вертикальным пеналом размером метр на метр, с решётчатым окошком, где можно было только стоять. Надзиратель, не произнося ни звука, изобразил пухлым, коротким пальцем в воздухе окружность, как команду развернуться, наконец-то снял с Бориса наручники, запер боксик и ушёл. В наступившей тишине раздавались лишь звуки грохочущих железных дверей и шагов по бетонным полам. Борис сразу отметил для себя, что время потеряло свою привычную размерность. Секунды, часы, да скорее всего и дни, недели и годы, в тюрьме не имеют ничего общего с секундами, часами, днями на воле. Он просто стоял в боксике, пробовал считать хотя бы шаги по бетонному полу, так как по многолетней привычке он не мог ничего не делать и ничего уже не ждал. Время не относилось теперь к категории реальности. Вдруг с крысиным писком отворилась глухая металлическая дверца за зарешеченным окошком, тут же захлопнулась, загремели ключи снаружи, захрустел открываемый замок и снаружи появился другой надзиратель.

— Фамилия, Имя, Отчество, — дежурно сухо, без какой-либо интонации произнёс он.

— Каменев Борис Михайлович.

— Лицом к стене, — надзиратель выпустил Бориса и закрыл боксик. — Вперёд.

Совсем недалеко оказалась следующая дверь, куда надзиратель завёл Бориса. Здесь за столом сидел очень усталый человек в белом халате, по всей видимости тюремный фельдшер.

— Раздевайтесь, — безразлично и тихо сказал он.

Борис разделся до трусов. Фельдшер приступил к осмотру: рот, подмышки, руки, ноги, что- то записал. Потом показал, покачивая в руке карандашом вверх и вниз на трусы, лениво подразумевая, что их надо снять.

— И наклонитесь. Так. Раздвиньте половинки.

Борис спустил трусы, наклонился, раздвинул ягодицы; фельдшер посмотрел пару секунд между ягодиц, сел обратно к столу и вновь что-то коротко записал.

— Жалобы?

— Сердце болит.

— Возьмите валидол, — фельдшер вынул из кармана халата начатый блистер с таблетками, выдавил из него две таблетки: одну положил себе в рот, другую протянул Борису. — Одевайтесь. Он нажал кнопку на столе, при этом где-то рядом задребезжал электрический звонок, вошёл надзиратель и вывел Бориса.

— Вперёд.

Пришли в другое помещение, где стояла только деревянная лавка. Вошёл человек в синем халате:

— Раздевайтесь.

Борис с механической покорностью снял костюм, рубашку, брюки, майку, ботинки, часы, трусы, носки. Человек в халате записал всё это в бланк и продиктовал записанное:

— Костюм синий, в полоску, размер 54, одна штука, часы «Ориент», циферблат зелёный — одна штука, ботинки коричневые, замшевые, размер 45, одна пара, трусы, рубашка, майка, носки. После этого всё ощупал, сложил в мешок, дал Борису подписать бланк и ушёл с мешком, громыхнув очередной металлической дверью.

Борис остался голыми присел на край лавки. Пришёл другой человек, тоже в синем халате с машинкой для стрижки и подстриг Бориса наголо. Ушёл. Сидеть голым на лавке стало холодно. Когда Борис понял, что он окончательно окоченел, пришёл надзиратель:

— Пошли в баню. Вперёд.

В голове мелькнула светлая и тёплая картинка бани. Пар, горячая вода, шайки, лавки, мочалки, веники, парилка, но картинка обманула. Баня оказалась маленькой, грязной карикатурой, с серыми кривоватыми кранами, торчащими из стены. Борис открыл один из них, в подставленный серый тазик полилась тонкая струйка воды. Едва он успел наполовину наполниться, вошёл надзиратель:

— Одеваться.

Борис наскоро лил на себя набранную воду, держа тазик одной рукой и другой пытаясь получше помыть пах, подмышки, шею.

— Дайте хотя бы полотенце! — уже с некоторым отчаянием возмутился Борис.

Надзиратель засмеялся:

— Полотенце? Полотенце получишь. Вперёд.

Надзиратель подвёл мокрого Бориса к окошку, где он получил свёрток в котором была казённая одежда со штампами тюрьмы, бирками, пятнами, дырками — трусы, майку, робу, штаны, кирзовые ботинки без шнурков. Борис внимательно осмотрел каждую вещь, с отвращением оделся. Затем он получил алюминиевую ложку, матрас, одеяло, полотенце, наволочку, простыню. Борис вновь рассмотрел всё полученное — тонкий, дырявый матрас, короткое в пятнах байковое одеяло, в половину обычного, серое бельё, крошечное полотенце.

— Вперёд. — услышал он и вздохнул.

Надзиратель провёл его по коридорам, сдал другому надзирателю, тот проверил по карточке его фамилию, имя, отчество. После этого Бориса подвели к камере, дверь которой открыли двумя ключами. В камере Борис увидел привинченные к полу четыре двухъярусные железные кровати (шконки); посередине стол, тоже привинченный к полу. «Интересно, почему нет табуреток?» подумалось Борису. Дальше он окинул взглядом высокий потолок и наверху, в правом углу, небольшое окно. С внешней стороны окно было закрыто железными жалюзями, через которые слабо проникал дневной свет. На потолке трубка светильника дневного света. Высоко под потолком было радио, а ниже на стене приклеена бумажка, на которой было напечатано расписание его включения: с 6:00 до 7:30, с 9:00 до 12:30 и с 17:00 до 22:00. В камере находилось шестеро обитателей, каждый лежал на своём месте и каждый внимательно осматривал вновь прибывшего в камеру, подперев согнутыми в локтях руками свои бритые головы-черепа; выглядело это словно сообщество любопытствующих одуванчиков, уже утративших свой пушок. Одна шконка была пуста, на неё сел Борис и положил рядом своё немногочисленное казённое шмотьё, дверь захлопнулась. Обернувшись на звук закрываемой двери, Борис увидел в углу грязное отхожее место, «парашу», и тут же ощутил её крепкий, густой запах, распространённый купаж отхожих мест — запахи плохо смытых человеческих испражнений и хлорки. Потом он разглядел своих сокамерников: при ближайшем рассмотрении видение одуванчиков исчезло, зато резко бросились в глаза отличия их внешности от людей, с которыми он общался только что на «воле», ещё несколько часов назад; давно он не видел такие лица, зубы, наколки, повадки, не слышал этот характерный «блатной» акцент. Как только грохнула закрывшаяся дверь, Борис услышал с верхней шконки:

— О, у нас прибыл**о**. И хто ты такой?

— Борис.

— И шо ты за Б***о***рис, откуда ты такой Б***о***рис?

— Из Москвы. Директор рыбного магазина. Сегодня утром арестовали.

— Это ты был директор, а сейчас ты уже не директор.

Со всех шконок весело заржали.

— Посмотрим.

— И шо ты будешь смотреть? Народное добро расхищал в особо крупных? Кровь нашу пил, простых людей? Придётся тебе ответ держать…

— А вы здесь что, просто в гости зашли что ли?

— Ну почему же в гости? Я вот, например, незаслуженно взят мусорами, ой пардон, органами, за убийство, хотя я конечно никого не убивал, — один из зеков спрыгнул со своей шконки и начал вальяжно расхаживать вразвалочку по камере, показывая то на одного, то на другого сокамерника, — а Колюня за изнасилование, но ты посмотри на него — он же чистый ангел, может ли он кого-нибудь хоть пальчиком тронуть, а наверху — я тебе даже не буду говорить, кто и за шо — сам всё узнаешь…

В это время в двери со скрипом открылось окошко, и показалось лицо надзирателя:

— Каменев, приготовиться на выход.

Дверь камеры открылась и Бориса повели на допрос.

3

— Здравствуйте, Борис Михайлович! Давайте знакомиться. Моя фамилия Петров, я следователь комитета государственной безопасности по особо важным делам. Вы задержаны по делу фирмы «Океан», сотрудником которой Вы, — следователь сделал многозначительную паузу и произнёс по слогам, — яв-ля-лись. До этого момента Вы были членом преступного сообщества, целью которого было личное обогащение и подрыв государственной экономики Советского Союза путём хищения социалистической собственности в особо крупных размерах и взяточничества. Вам знакомы эти фамилии? — Следователь протянул Борису лист бумаги, с густо напечатанным через синюю копирку списком. Борис не без удивления посмотрел на список и даже ухмыльнулся возле некоторых знакомых фамилий.

— Так вот, — продолжил Петров, — все эти люди сейчас дают показания друг на друга и на Вас, в том числе. Поэтому я советую Вам поторопиться и присоединиться к этому интереснейшему соревнованию.

— Я ни на кого показаний давать не буду. — Борис положил бумагу на стол и потёр друг об друга пальцы правой руки, сложенные щепотью и испачканные чернилами копирки, впервые оторвал взгляд от лица следователя и осмотрелся — обшарпанный стол, на столе — только лист бумаги, который он только что изучал да лампа; два стула — на одном сидел он, на другом Петров. Окно за решёткой. Сам Петров. Ничего больше.

— Ну что же, другого ответа я от Вас и не ожидал. Поверьте, мы очень хорошо осведомлены о каждом из этого списка. Мы знаем про Вас всё. Да, Вы были умны и хитры и быстро освоились в системе где нужно было не только брать, но и отдавать «наверх». — Следователь пристально посмотрел на Бориса. Борис ссутулился на стуле и вопросительно смотрел на следователя. Следователь заходил по кабинету; было заметно, что он готовил эту речь:

— Вы спросите, почему уже «был»? Да потому, что никто из тех, кто остался там, на воле уже больше никогда не вспомнит Вас, не позвонит, не узнает на улице. Они уже никогда не помогут Вашей жене, даже если она будет умирать с голоду вместе с вашим сыном. Вас больше нет. Там нет. Вы есть теперь только ЗДЕСЬ. А здесь — здесь есть теперь только те, кто сидит с Вами в камере. Ну, например — Сабаев. Они в составе 17 человек два дня насиловали девочку, а потом убили её. При этом нам удалось пока задержать только четверых, а Сабаева — как организатора, так как он лично знал родителей девочки и саму девочку тоже знал, поэтому когда он встретил её на улице после школы, она не побоялась с ним пойти. А сделал он это потому, что проиграл её в карты своим дружкам. Ещё с Вами в камере Токарев, который от большого ума залез ночью в библиотеку, но ничего там не найдя, поджог её. И теперь его мать вынуждена будет до конца своей жизни выплачивать ущерб, так как по «понятиям» Токарев не может работать, ему западло. Достаточно? Поверьте, что и третий, четвёртый, пятый и любой, каждый, кто окажется в Вашей камере, будет не менее «симпатичный» товарищ, от общения с которыми Вы были избавлены в прошлой жизни, так как Вы были там, они — здесь, но теперь они и будут настоящей Вашей жизнью. Вы теперь ЗДЕСЬ! Для Вас, ещё (смотрит на часы) сегодня проснувшегося в своей собственной квартире на кровати со своей собственной любимой женой, теперь настала совершенно другая реальность, в которой Вы следующие 10 или 15 лет будете просыпаться только в камере или лагерном бараке с такими, как Сабаев, и Вы уже никогда не вернётесь в сегодняшнее утро. Ни-ког-да. И кстати, не рассчитывайте на помощь Ваших высокопоставленных друзей. Друзей у Вас больше нет. Никто Вам не поможет кроме меня. Да, теперь я Ваш единственный спаситель и друг, поверьте. И если Вы будете делать всё правильно, я смогу помочь, ну например перевести Вас в другую камеру, к Вашим… бывшим друзьям, ну или людям более привычного Вам круга общения — их здесь теперь мно-о-ого.

Петров призывно кивнул Борису на лист, который всё ещё лежал на столе.

— Я ни на кого показаний давать не буду.

— Ну что же… — следователь нажал на электрический звонок под столешницей. Вошёл надзиратель.

— В камеру, — с некоторым сожалением произнёс Петров.

Придя с допроса в камеру, Борис обнаружил, что оба места на его шконке заняты; его матрас, бельё, подушка, одеяло валяются на полу. На его месте спал молодой здоровенный детина. Борис потряс его за плечо:

— Молодой человек, это была моя койка.

На Бориса глянула настолько омерзительная рожа, что мгновенно стало саднить где-то в груди.

— Была твоя, стала моя. Отдыхай, дядя.

Остальные зеки с звериным любопытством уставились на Бориса. Заговорил Сабаев:

— А, расхититель народного добра вернулся. Ты думаешь, что ты ВОР, и будешь сидеть с почётом, как ВОР, но ты не ВОР, ты барыга и нет к тебе уважения. Ты у нас, у народа украл. Ты вошь — и вошью ты здесь будешь.

— Татарин не Гагарин. — подтвердил другой зек (скорее всего это был Токарев). — Не трогай мальчика, он уставший.

Зеки дружно загоготали. В двери открылось окно «кормушки», и в камеру посмотрел надзиратель. Борис тяжело вздохнул, разостлал свой матрас на полу, лёг и закрыл глаза. Как только он закрыл глаза, он увидел Петрова: «Моя фамилия Петров. Мы знаем про Вас всё. Следующие 10 или 15 лет Вы будете просыпаться только в камере или лагерном бараке». Борис мгновенно открыл глаза и сел на полу. Видение Петрова исчезло. В камере было тихо, только кто-то очень звонко храпел; наступила ночь — первая из бесконечной череды тюремных и лагерных ночей.

4

Просторная трёхкомнатная кооперативная квартира в Северном Чертаново, недавно купленная Борисом на тещу, совсем недавно была тихой и мягкой от ковров, лежащих и висящих повсюду, яркой и блестящей от хрустальных люстр и хрустальной посуды всех видов, форм и размеров, плотно загруженных в югославскую стенку, была теперь гулкой и пустой: все, что могли из квартиры вывезли к тёще или продали, как только Бориса арестовали, оставив только самое необходимое; особенно тоскливо чернел чистый прямоугольник на тумбочке вместо второпях сданного в комиссионку японского телевизора. На стареньком, протёртом диванчике сидели сейчас молодая, красивая и заплаканная Татьяна, жена Бориса и её мать, Евдокия Ивановна, а по голому паркету комнаты, катал большой железный грузовик беспрестанно перемещался и рычал вместо мотора Максимка, ненаглядный пятилетний сын Бориса и Татьяны. Максимка свистнул тормозами грузовика, остановился и в который раз спросил:

— А где папа?

— Папа уехал в командировку, в командировку, — задумчиво ответила Татьяна.

— А что это такое, кламландиловка?

— Это когда надо уехать по очень важным делам в другой город.

— А когда он вернётся?

Тут Татьяна не выдержала и закрыв лицо руками заплакала, выбежав из комнаты на кухню. Её мать неспешно последовала за ней, погладила её по голове, начала успокаивать:

— Да, конечно, Боря был отличный человек…

Услышав это, Татьяна умоляюще прошептала, всхлипывая:

— Мама, ну почему же был…

— Тфу ты, само с языка сорвалось… Конечно, такой хороший человек как Борис рождается раз в сто лет, но и не таких на моей памяти… (вздыхает). Эх, не он первый, не он последний! Главное, чтобы не расстреляли! А там уж как присудят… Знаю я только одно, надо ему больше мыла в передачах посылать.

— Мама, ну какое мыло…

— Мыло в тюрьме — самой первой необходимости весчь. Мыло там на вес золота, его можно на что угодно поменять, потому что мыла там ни у кого нет и взять его негде.

— Мыло… мыло. Мама, мне никто не звонит, никто не предлагает помощь, все делают вид, что нас вообще не знают и что нас нет… У нас же каждую неделю были гости, мы постоянно ходили в гости, в рестораны, мы же знакомы, наверное с тысячей человек в Москве, и вдруг — как будто все вымерли.

— Это вы для всех них вымерли. Ты, главное про мыло не забывай. — Было очевидно, что мысль про мыло крепко засела в голове у тёщи Бориса.

Жизнь стала совсем иной, и случилось это молниеносно, резко, в квартире поселились неведомые доселе слова: адвокат, следствие, комитет, конфискация, Лефортово. Десятки, сотни знакомых, гостей, лучших друзей в один миг исчезли, остался только один — друг детства, с которым они с Борисом ещё на Дубининской гоняли в футбол и дрались со шпаной — Борис Николаевич Лыткин, который все последние годы был в тени толпы новых друзей, а сейчас, когда все они исчезли, остался — поддержать Татьяну и Максимку. Теперь папа, любимый, родной, такой ежедневно-привычный папа, на огромной волосатой груди у которого Максимка катал машинки, или не слезал с его огромных плеч, стал существовать только в виде фотографий и воспоминаний. Вместе с вещами из квартиры пропали вкусные импортные жвачки, не такая вкусная, но отчего-то очень нужная каждый день по-ложечке чёрная икра, дача в Лопатино, пруд и солнце… Дачу, пруд и солнце ни продать, ни спрятать не успели.

5

Густой и вязкий кисель безвременья и отсутствия событий поглотил ощущение настроения, эмоций, целей и смысла. Ничего не было впереди, всё в одночасье оказалось в прошлом и тянуло вниз, назад. Борис осунулся, зарос щетиной, лежал на полу камеры и кашлял. Открылась «кормушка», надзиратель выкрикнул:

— Каменев, передача.

Все в камере повернулись в сторону «кормушки» и стали наблюдать, как Борис получает небольшой ящичек из оргалита. Ещё на прогулке все узнали, что Борису пришла передача, сообщил надзиратель. Потом «кормушка» захлопнулась, Борис пошёл с передачей обратно и сел на свой матрас на полу. Кашлял опять, тяжело долго. Открыл ящичек, крышка которого не была прибита, так как любую посылку в тюрьме предварительно досматривали. Борис начал медленно изучать содержимое посылки, не обращая внимания на происходящее в камере. Сабаев, главный затейщик любого кипеша спрыгнул с нар и подошёл к Борису:

— О, дядя, передачку бы надо с нами разделить. Давай-ка на общак.

Борис молча посмотрел на него снизу вверх. Тут к разговору, не вставая с нар подключился Токарев:

— Понимаешь, дядя, надо делиться. Даже если ты не хочешь. ЗАКОН! У нас здесь одна семья.

— У меня другая семья, — ответил Борис и опять тяжело закашлял. Он закрыл ящичек, и крепко обнял его руками.

— Это у тебя БЫЛА другая семья, а теперь это мы твоя семья, — весело рассмеялся Сабаев, — Ну?

Все зеки вопросительно смотрели на Бориса. Борис молчал. Токарев зло сказал Сабаеву:

— Ничего, когда-нибудь он уснёт. А мы — спать не будем. Вот тогда… тогда этот ящичек тебе на голову и упадёт… Расхититель народного добра.

Все в камере вновь дружно загоготали. Борис на мгновение закрыл глаза и вдруг опять увидел следователя Петрова, который опять появился у него перед глазами: «Моя фамилия Петров. Мы знаем про Вас всё. Следующие 10 или 15 лет Вы будете просыпаться только в камере или лагерном бараке». Борис открыл глаза. Петров растворился в душном и гогочущем воздухе камеры.

— Не ссы, дядя, — весело сказал Борису Токарев, укладываясь спать, — Мосгаз слезам не верит. Спи спокойно! — и сокамерники опять дружно заржали.

В эту ночь Борис не сомкнул глаз. Он понимал, что его сокамерникам ничего не стоит исполнить ночью своё обещание, проломить ему голову и забрать посылку. Он ходил по камере, тёр глаза, повторял в голове стихи, сочинял свои будущие письма, хотя переписка ему была запрещена; сейчас он понял, что очень хочет вернуться когда-нибудь домой, и по возможности не искалеченным. Сокамерники его спали по очереди, и выжидали, когда же он наконец утомится. Наутро Борис, который понял, что всё это ничем хорошим не закончится, и в любом случае что-то случится, например драка и в его личную карточку запишут этот факт, что очень плохо для его характеристики на будущем суде, попросил у дежурного конвоира бумагу и карандаш и написал заявление на имя начальника тюрьмы с просьбой о переводе в другую камеру. Но, свободных мест в камерах не было, пришедший на следующий день дежурный сказал, что поместить Бориса некуда. Борис начал требовать дежурного прокурора. Кормушка захлопнулась. Прошло какое-то время и Борис начал стучать в дверь камеры. Пришедший на стук дежурный конвоир пригрозил Борису карцером. Борис потребовал дежурного офицера. Когда пришёл дежурный офицер, Борис стал настаивать на переводе. Наконец на следующий день его перевели этажом выше в камеру к малолетним преступникам. В камере было 20 чело-

век возрастом до 17 лет. Это был настоящий улей. Кто-то ежесекундно орал, визжал, плевался или дрался, о том, чтобы с кем-то поговорить не приходилось и мечтать — в камере разговоры были только о наркотиках, водке, ограблениях, изнасилованиях и тому подобном. Потом его перевели в другую камеру, население которой уже почти не отпечаталось в памяти. Камера была холодная и находилась как-бы в подвале, когда Бориса привели туда, он был мокрый, так как в камере малолеток было нестерпимо жарко и он постоянно потел; он вытерся с большим опозданием, спал две ночи почти на голом железе шконки и на третий день заболел, а скорее всего он заболел гораздо раньше, поднялась температура, был страшный неостанавливающийся насморк. Борис находился в таком состоянии дней семь или восемь. Потом через корпусного надзирателя он получил четыре таблетки неизвестно от чего, потом один раз пришла медсестра и через кормушку закапала в нос капли. Ещё через неделю Борис стал чувствовать себя лучше. Обстановка в камере была почти нормальной, за неделю ушли два человека, пришли два новых, для которых всё нипочём и которым море по колено. Один из них сидел здесь одновроеменно с женой, жена, как он говорил, была на тот момент в положении на седьмом месяце. Он украл на работе четыре меховые полушубка, жена послала его их украсть и прятала их; также они с женой грабили и вместе раздевали пьяных. Как опытный отец-сиделец, он рассказал:

— С детьми здесь сидят до двух лет. Ха-ха-ха, а когда они немного говорить научатся, то сразу могут сказать слово «мент». Кричат — «мент!», а когда он оборачивается или смотрит в глазок, они лезут прятаться под кровать. Или смотрят в окно и видят человека в военной форме — сразу кричат «мент!» и тоже лезут прятаться под кровать. После двух лет детей увозят в детский дом, ну если их не забирают мужья или родственники.

Борис лежал на шконке, задумчиво слушал и представлял себе, как он в последний раз гулял с Максимкой в зоопарке и как катал его на плечах.

— И что, забирают? — спросил Борис.

— Не, кому они нужны!

Борис встал со шконки и постучал в дверь. Открылась кормушка:

— Скажите следователю Петрову, что я готов…

6

Теперь Бориса регулярно, почти ежедневно вызывали к следователю. Тот объявил, что если всё будет хорошо, то к концу месяца он дело закроет. Но для закрытия дела нужно будет провести очную ставку с М. сразу после праздника, однако месяц прошёл и никакой очной ставки не было. Вместо очной ставки следователь давал читать Борису письма — от жены и от матери, и хотя Борис просил следователя отдать ему эти письма, следователь их не отдавал. Писал протоколы допросов и опять мучил вопросами, кому Борис ещё давал взятки. Но Борис уже твёрдо для себя решил, что никаких дополнительных показаний больше давать не будет и так уже прилично наговорил под протокол.

Во время Бориса несколько раз перевозили из тюрьмы в тюрьму для очных ставок и следственных действий, и он не всегда мог понять, где он сегодня — в Лефортово, Бутырках или Матросской тишине. Внутри каждой тюрьмы многократно переводили из камеры в камеру. Однажды перевели в 270 камеру, он чётко увидел номер. Когда он туда вошёл, то первый, кого увидел был его старый и закадычный приятель и собутыльник по всем московским ресторанам Фрайман Ефим. Они очень обрадовались друг другу и проговорили подряд два дня и две ночи. Но после всех этих разговоров и воспоминаний Ефим впал в такую депрессию, что когда Борис был на допросе, Ефим вешался. Его вытащили из петли и откачали, но Бориса тут же перевели камеру №100, где одновременно находились 40 человек. Это была большая камера, два больших окна, которые часто открывали, проветривали, но и курили очень много. Три раза в день дежурные по очереди убирали и мыли камеру. Прогулка была в большом дворике, и всё бы ничего, но в камере было очень много клопов, и они были они презлющие. Люди сидели здесь разные, были даже довольно приличные, с которыми можно было поговорить. Сидеть без дела Борис не мог, не было этого ни в его характере, ни в привычках, хотя в тюрьме и слово «сидеть» и слово «дело» приобретают свое второе значение. После ужина надзиратель выдавал в камеру иголку с ниткой, правда нитки давал не всегда, зачастую именно нитки отсутствовали. Но Борис сшил себе пояс на поясницу, пояс получился большой, хороший, толстый и тёплый, с хорошей ватой внутри. Сшил себе стельки в ботинки из сукна и меха, мех от кроличьей шапки выменял на три пачки чая.

В один из понедельников после завтрака принесли квитанцию на ларёк, то есть что хочешь выписать должен вписать в эту квитанцию и подложить к ней счёт. В счёте указано, сколько у тебя денег. Борис выписал себе полкило масла, буханку хлеба за 28 копеек и стержень для письма. Всего на 2 рубля 11 копеек. Не успел он закончить с ларьком, как его вызвали к следователю. Борис вошёл в кабинет и поздоровался.

— Борис Михайлович, сейчас будет проведена очная ставка с М.- сказал торжественно следователь Петров.

— Я готов к ней уже почти месяц, — спокойно ответил Борис.

Петров ничего не ответил и сидел за столом, перекладывая бумаги. Они посидели так минут десять, или даже час, затем пришёл разводящий и сказал, что М. не привезли.

— Тогда мы встретимся после обеда, — равнодушно произнёс следователь, — увести.

Борис прождал в камере весь день, но его так и не вызвали ни после обеда, ни после ужина. И только после обеда следующего дня его вновь вызвали на очную ставку. Когда он вошёл в кабинет, М. со следователем уже сидели там, М. сразу встал и шагнул Борису навстречу, они очень тепло поздоровались. Борис повторил свои прежние показания.

— А я от дачи показаний отказываюсь, — совершенно спокойно сказал М.

— Что это за фокусы? — злобно, выходя из себя выдавил по буквам Петров.

— Я и так уже человек двести посадил. Больше я никого сажать не буду.

Петров резко нажал на кнопку звонка под столешницей, и когда вошёл конвойный проорал:

— Увести. Обоих.

7

Утро. Борис встал, к семи часам закончил зарядку и водные процедуры, выпил холодной воды и съел немного колбаски. Потом дали завтрак — пшённую кашу. Около часа дня водили на прогулку. Прогулка — час, но можно было, если есть желание погулять ещё час. Надзиратели всегда предлагали ещё погулять, когда была плохая погода, а сегодня дождь. Потом обед: на первое дали щи, на второе сечка, на третье что-то тёплое и сладкое. Открылась «кормушка»:

— Каменев, с вещами на выход.

Всё как обычно. Всё как изо дня в день. Изо дня в день скрип кормушки, хруст замков, лязг двери, лицом к стене, коридор, лестница, опять коридор, опять лицом к стене, опять скрип, хруст, лязг грохот. Опять новая камера…

На сей раз Борис увидел в камере вполне обычных людей, не уголовников. Один человек стирал в тазу свитер. Другой, уже немолодой в ярко-красных тапках с помпонами возбуждённо ходил по камере, жестикулировал, разговаривал сам с собой и беспрестанно твердил «Суки. Суки, твари, мрази, сдохните, твари, мрази» — и так по кругу, как заевшая пластинка. Как только закрылась дверь, один человек стремительно встал со своего места, подбежал к Борису и обнял его. Это был заместитель Бориса, проверенный многократно в очень сложных ситуациях товарищ Додик Московичь.

— Боря! Господи, Боря, это ты… Какой ужас… Тебя почти не узнать, ничего от тебя не осталось… Боря, Боря… Как это могло случиться… — Додик заплакал.

— Додик, рад тебя видеть… Дай хотя вещи поставлю… — Борис был взволнован не меньше.

— Да, вот свободное место.

Борис положил свой узел на свободную койку. Додик громко произнёс на всю камеру:

— Знакомьтесь, это Борис Каменев, мой друг… Из прошлой жизни. Борис, это Мишка Левин, помнишь про него, — он показал на человека, который продолжал стирать свитер, тот кивнул головой, — Это — Сатьянов — заместитель директора 2-го холодильника, его уже осудили по статье 173 ч.1 и дали 8 лет, хотя у него всего один эпизод. Это — Блахотников, — сказал Додик уже тихо, показав на человека в красных тапках.

— Да? А я как-то уже привык к тому, что он умер, — также тихо сказал Борис очень удивлённо.

— А он сидит под Улан-Уде и уже оттуда написал помиловку. Его мать написала во все инстанции около пятисот жалоб и заявлений. И он всё время нас уверяет, что ему должны сбросить со срока пять лет, а почему пять — спрашиваем мы, а потому, что на меньшее он не согласен, и кто-то обещал ему сбросить пять лет. И самое главное — он в это верит. Но сегодня ему пришёл отказ в помиловании и одновременно ему запретили переписку.

Борис и Додик сели на койку и Додик продолжил свой рассказ довольно тихо:

— Вон те ребята — рыбники из области. Вообще по нашему министерству посадили сотни человек, и столько же ходит на подписке, всё это очень печально. Мишка Левин сейчас очень как-то переживает за свою семью, за свои отношения с женой. Он нам говорит, что она очень близко сошлась с женой Лёвы Баялкова — а от этой бляди, по его словам, ничего хорошего ждать нельзя. Писем от жены он не получает, но к нему два раза при мне приходил адвокат. Мишка нам говорит, что его жена очень часто ходит на концерты, в театр, в рестораны — и всё это несмотря на то, что он просит её через адвоката не делать этого. Поэтому он очень переживает. А вон тот Юра Василиев, но он еврей. У него статья 193 прим — госхищение в особо крупных размерах и иск 112 тысяч. Хотя Юра очень порядочный человек. А за 10 минут до твоего прихода из камеры забрали Райтмана, а Райтману предъявили новое обвинение по статье 174 часть 2. Теперь Райтман от своих показаний стал отказываться — он это мотивиро-

вал тем, что в комитете ему обещали больше его не судить, а сами передали дело в прокуратуру и снова в суд. И так со всеми — всем обещали минимальные сроки в обмен на показания, а теперь всем добавляют, в результате чего поголовный отказ от прежних показаний… Ну а ты — то, как ты?

— Я? — тяжело, отрешённо заговорил Борис, — По делу своему я вообще ничего сейчас не знаю. Была очная ставка с М., но он тоже от всего стал отказываться. Его тоже обманули. Эх, как много можно было бы изменить сейчас — начнись всё сначала, и как ловко меня обманули и обвели вокруг пальца — да сделанного уже не вернёшь и не поправишь, и я думаю, что разбирать эту тему — только себя убивать, но она всё равно не идёт из головы, а беспрерывно меня мучает и не даёт покоя. А не даёт покоя только потому, что только сейчас я понимаю, сколько совершил ошибок, как меня запугали, и как меня обманули, хотя я всегда считал, что я стойкий, сильный и умный человек, а на деле вышло наоборот — меня немножко напугали и я испугался. Хотя если бы я ничего не сказал, а они сделали бы то, что обещали, то наверное было бы ещё хуже, гораздо хуже чем сейчас. Был сегодня на прогулке, но даже хорошая погода меня не радует. В общем, кидали меня из камеры в камеру, кого я только не увидел, все отбросы человечества, а хуже всех — малолетки, саранча. И не спал я по трое или четверо суток, и болел, а к врачу меня не пускали и не лечили, отнимали вещи и продукты, провоцировали постоянно, и так — из месяца в месяц. Закрыли переписку, свидания… А в камере бесконечные разборы у них между собой, споры, разговоры только о том, как дрались, воровали, про наркоту, про всю грязь свою, и о женщинах, кто кого и как — здесь у половины тюрьмы все знаменитые актрисы и певицы — их любовницы, и как они друг друга уверяют, что это правда! В такие минуты даже я улыбаюсь, до того всё это смешно и дико. И у них планы, планы — надо выйти и уже «по-умному» грабить людей и квартиры, воровать и насиловать, убивать. А если ты не с ними, ты стукач. И они начинают тебя учить жизни и «каждая вошь свой голос имеет», если ты не из их круга. И каждый открыто тебя ненавидит… Додик, я не выдержал. Я дал показания на всех.

— Боря… Мы все дали показания. На всех. Каждый здесь посадил каждого. Поэтому мы здесь.

И опять потекли дни, медленно и тоскливо, как серая и густая речная осенняя вода, готовая вот-вот замёрзнуть и застыть; уводили и приводили людей — на допросы, в баню, на свидания, к адвокату, к врачу. Всем, кому следователи обещали не накидывать ничего дополнительного, лишь бы подписали признательные показания, сейчас накидывали дополнительные эпизоды, поэтому количество людей, отказывающихся от своих прежних показаний, росло и росло, камеры заполнялись и переполнялись отказниками и повторниками: возвращались из лагерей и из других тюрем уже осуждённые на доследствие, и каждый день можно было увидеть кого-то нового. Пошли слухи, что М., одного из самых высокопоставленных фигурантов дела приговорили к высшей мере. Проходили неделя за неделей, а ни Бориса, ни Додика никуда не вызывали и ничего не сообщали об их делах. В честь дня Конституции СССР дали подарок — маленькую круглую белую булочку за три копейки, а вечером перед Новым Годом дали батон белого хлеба за 13 копеек на двоих, в камере появился начальник тюрьмы и всех поздравил:

— Товарищи заключённые! Поздравляю вас с наступающим 1981 годом. От лица администрации желаю вам встать на путь исправления и выйти на свободу с чистой совестью!

И ушёл, громыхнув дверью и лязгнув замками.

Борис и Додик встретили Новый Год вместе и дни напролёт проводили в разговорах, сидя рядом в камере. Оба много рассказывали о себе, обоим было необходимо выговориться; оба иногда плакали, совершенно не стесняясь, как будто бы так, и только так можно облегчить душу.

— Я неплохо устроился в лагере, работой особенно не загружен и есть свободное время, рассказывал Додик. — А вот дома без меня очень плохо — не получилась жизнь дочери, она

постоянно болеет, а зять женился на ней только из-за моих денег, так что ты можешь себе представить обстановочку сейчас, когда всё конфисковали. Я всех, кого могу, прошу не поддерживать с ним никаких контактов. От дочери получил письмо, отпечатанное на машинке — дочь плохо видит и не может писать. Но отпечатанные на машинке письма нам получать нельзя, поэтому его дали прочитать и забрали. А после освобождения… уеду в Америку, хотел к брату Грише, но Гриша умер, и это разрушило все мои планы, но я всё равно уеду, делать мне здесь нечего. Гришина жена хорошо устроена, работает на швейной фабрике, только ей очень тяжело с двумя детьми. А моя Светка на всех свиданиях ругается со мной, я думаю, что она предлог ищет для развода. Я собираюсь в мае писать помиловку, вот только есть ли смысл сейчас делать это? Да и на «химию» хочу, но я думаю, по одной трети срока нас на химию никто не отпустит…

— Да, а у меня, вот с передачами вышло… Я просил Татьяну несколько раз через адвоката и очень просил не передавать мне продуктовые передачи, ну а из вещей только то, что необходимо. Но она… Она поступила так, как ей подсказывало сердце, наверное думала, что я просто не хочу её обременять… Я даже написал заявление о том, что отказываюсь от передач и мне разрешили не получать передачи — я был очень доволен. Но во время прогулки во дворике пришёл лейтенант и при всех меня спрашивает, что пришла Ваша жена и принесла передачу — будете Вы её брать или нет? Все на меня смотрят. И мне ничего не оставалось делать, как ответить ему, что я передачу возьму. Ну и получил продукты и вещи, и мыло, а на следующий день вынужден был просить перевести меня в другую камеру, хотя по здешним неписанным законам ты сам знаешь, как это плохо. Я не спал всю ночь, так как мне за то, что я не хочу жить по их правилам, не хочу отдавать продукты, делиться — обещали проломить ночью голову. Вот я и не спал всю ночь, а ходил по камере — так как я очень хочу вернуться домой и вернуться здоровым. А мои сокамерники поочерёдно не спали и ждали, когда я усну. Мне пошли «навстречу» и перевели меня в камеру к малолетним преступникам — это называется из огня да в полымя. Но ничего, я выдержал и это. Додик, сейчас нам 10 рублей в месяц на ларёк хватает, а помнишь, сколько мог стоить всего лишь один наш ужин? Потом уже, когда в спокойных камерах сидел, было в радость эти бандероли получать, нигде они так не ценны, как здесь. А какими духами были пропитаны платки! Я давно не ощущал такого запаха. Но сейчас уж не знаю, как жене мысленно внушить не посылать мне больше передачи. Мыла у меня уже 15 кусков, восемь комплектов трусов, маек и платков. Мне просто тяжело носить эти вещи, здесь они совершено не нужны, я превратился в ходячий универмаг, открыл последнюю посылку, а там ещё мыло…

Тут отворилась дверь камеры и ввели Гуркина. Гуркин молча исподлобья посмотрел на Бориса и Додика.

— Гуркин, ты? — удивлённо спросил Додик.

Гуркин ответил злобно:

— Я. По вашей милости. И зачем же надо было показывать, что вы мне давали деньги? А?

— Ну конечно, надо было подождать, пока ты сам расскажешь, кто тебе давал, а мы бы получили вместо семи лет по десять, — весело парировал Додик, — Послушай, Гуркин, это же новый вид спорта, по количеству участников, наверное даже олимпийский — в честь Олимпиады — кто быстрее даст показания на наибольшее количество людей.

— Я бы на нас не показал…

— А разве не ты дал показания на весь Гастроном и все Холодильники?

Гуркин немного, но весьма отчаянно и казалось искренне попроклинал всех сквозь зубы, но затем лёг на нары и отвернулся, закончив представление и не сорвав рукоплесканий; всё же человек он был не злой. Через пару дней, когда Гуркин немного отошёл, он рассказал, что Ефима Фраймана перевели в Бутырку; что Ефим скоро будет расписываться с Римой, что они подали заявления с просьбой зарегистрировать их брак и им разрешили; что Рима — это его

соседка по даче. Вот только дачу и квартиру у него конфисковали, и где и как они будут потом жить — непонятно.

8

Борис не виделся со своей семьёй уже больше года, и как ни готовился он к этому первому свиданию, как ни старался выглядеть и вести себя естественно, ничего у него не получилось. Борис ещё больше осунулся, ссутулился, зарос щетиной, похудел. Опять отвратительно лязгнули металлические двери и решётки, и в «комнату» для свиданий неуверенными, короткими шагами человека, отвыкшего ходить пешком, вошёл Борис. Татьяна вскочила с узкой, крашенной лавки и они устремились навстречу и пытались потрогать друг друга между прутьями очень часто сваренной решётки, разделявшей напополам эту комнату-камеру. И несколько минут они стояли рядом, так близко, как казалось им никогда раньше и обнимались только одними пальцами и целовали подушечки и не могли остановится.

— Любовь моя, жизнь моя, ну как вы?..

— Боря, Боренька, любимый ты наш папочка, что же с тобою стало… без тебя жизнь остановилась…

Они помолчали; сели напротив, Борис в своей половинке, Татьяна с Максимкой в другой.

— Боря, Боренька, какой же это кошмар, — по щекам Татьяны текли слёзы, и она постоянно смахивала их ладонями. Всё что я могу, я тебе напишу, мой любимый. Пожалуйста, расскажи, как ты здесь… Очень хочу послушать твой голос…

— Я очень, очень хорошо, даже отлично, — Борис пытался говорить бодро, лишь на секунду он отвернулся и тоже смахнул с лица слёзы, — покупаю в ларьке сахар и масло, по одному килограмму в месяц, сыр, зубную пасту. В камере есть горячая вода. Каждую неделю здесь водят в баню. В бане можно поменять трусы и майку, а также наволочку, полотенце и матрасовку. Матрасовка это такой тёмный мешок, который надевается на матрас. Поменять матрасовку можно только один раз в месяц, если удастся. Трусы и майку я стираю сам в камере, а полотенце и наволочку меняю. В бане стригут и бреют электрической машинкой, это всё один раз в неделю, правда всех одной машинкой — и больных и здоровых. Книги меняют в две недели один раз — приносят в камеру пять или шесть книг. Книги часто потрёпанные, без страниц и в них бывает множество клопов. В камерах вообще тоже много клопов, но не во всех. Основное общение с внешним миром происходит здесь через «кормушку», это такое окошко в двери, размером с энциклопедию. Через эту энциклопедию могут передать лекарства, посылку, еду… Завтрак здесь дают от 9 до 10 часов, обед с полтретьего до 16 часов, ужин в 18—19 часов. Чай, который здесь дают, я не пью, по некоторым соображениям, а пью кипяток, который течёт из крана в титане, и так делают многие. Кормят почти нормально, но конечно здесь не санаторий, но ничего, жить можно, питаюсь нормально. Правда живота, на который ты всегда смотрела косо — уже нет, смотри, — Борис встал с лавки и похлопал себя по животу, — и я считаю, что это очень хорошо. Сегодня всю ночь шёл дождь, но утром прекратился, и я обрадовался, что тебе не придётся ехать на работу под дождём и намокнуть. А потом мне сказали про свидание… Очень хочу быть с тобой и сыном, и это желание преследует меня и днём и ночью, и я очень доволен этим, так как эти постоянные думы отвлекают меня от действительности. Те две баночки, которые ты мне прислала, мне очень подошли. Особенно пластмассовая для горячего чая, а то из алюминиевой кружки пить кипяток очень неудобно. Я сейчас в этой алюминиевой кружке храню масло. Я сшил себе суконные и меховые стельки в ботинки — очень тепло. Сшил себе пояс на поясницу — пояс получился большой и тёплый. Тёплое бельё у меня есть. Больше мне из вещей ничего не надо, а когда поеду на суд, то надену чёрную куртку — она будет вместо пиджака.

Борис говорил, говорил, говорил…

— Сынок, ты-то как, милый?

— У меня всё хорошо, — испуганно, одним духом затараторил глядя в пол заранее заученный текст Максим, — учусь на четыре и пять, правда иногда бывают три, но редко, и я стараюсь их не получать, так что в школе всё хорошо, дома у нас с мамой всё нормально, правда я не всегда её слушаюсь, но обещаю исправиться, хочу поздравить Вас с Новым Годом и пожелать Вам крепкого здоровья, крепкого здоровья и долгих лет жизни, и чтобы Вы были дома как можно скорее…

Пока Максим говорил, Борис смотрел в темноту дальнего угла камеры свиданий; он видел там следователя Петрова, который тихо, почти шёпотом говорил Борису:

— Моя фамилия Петров. Мы знаем про Вас всё. Следующие 10 или 15 лет Вы будете просыпаться только в камере или лагерном бараке.

На тюремной половине «комнаты» для свиданий лязгнула дверь. Появился охранник.

— Каменев, свидание окончено. На выход.

Бориса увели. Татьяна и Максим сидели на лавке. Максим спросил:

— Мама, а кто это был?

9

Быстрый и чёткий суд, учитывая по совокупности каждый прожитый Борисом день предварительного заключения, его деяния, характеристики, показания и определения присудил восемь лет лагеря общего режима.

И совсем недолго пришлось ждать того часа, когда открылась дверь камеры и вошёл охранник с такой уже привычной, но именно сейчас очень волнующей фразой «Каменев с вещами на выход» — за этой фразой начиналась новая глава, новые восемь долгих лет — неизвестно где, неизвестно как. Из камеры его привели в маленький боксик. Началась стандартная процедура — обыск, сдача вещей, получение вещей и опять боксик. Ожидание, ожидание, ожидание, машина.

— Куда меня? — спросил Борис у солдата — охранника.

Солдат спросил фамилию, посмотрел в карточку.

— В Сухиничи, дядя.

Привезли на Киевский вокзал, посадили в вагон для перевозки ЗК. Борис лёг на вторую полку и весь путь ворочался. В вагоне топили, несмотря на мороз на улице. Прибыли в Калугу, потом в Сухиничи. Везде холод, холод, мороз, сквозняки. Весь этап, это было 10 человек, сводили в баню, остригли и отвели в барак. Сразу после этапа Борис заболел, поднялась температура, но освобождение от работы, особенно вновь прибывшему получить было невозможно, велика вероятность того, что новый зек решил просто откосить от работ. Очень тяжело дались Борису эти дни. По всей видимости это был грипп, и на общих работах на улице он дал осложнение — воспаление лёгких. Где-то через неделю по дороге на работу Борис потерял сознание и только тогда его положили в лагерный лазарет. Началось лечение — стали делать уколы, но через два дня перестали — лекарство закончилось; стали давать таблетки, но без всякой системы — то дадут, то не дадут, врача не было, только санитар и зоотехник, оформленный на полставки при медпункте… Только спала температура — и Борис сразу же должен был выйти на работу, несмотря ни на что. Наконец он немного поправился и приобрёл таким образом свою постоянную прописку: Калужская область 249270 Сухиничи ИТ-55/5, 1 отряд.

В отряде скучать не приходилось, тут были самые разные люди, всех возрастов, статей, темпераментов и социальных групп. Почти у каждого была своя собственная, ни на что непохожая история, и вместе с тем все они встретились именно здесь. Благодаря своему спокойному характеру, рассудительности, начитанности и уже крайне ослабленному здоровью, Борис был освобождён от общих работ и временно назначен библиотекарем; бывший библиотекарь по счастливой случайности как раз освободился. На новом посту Борис должен был комплектовать книги по запросам, выдавать и принимать книги по формулярам, следить за их состоянием, делать подшивки из газет и журналов, которые колония получала по подпискам; также Борис завёл толстую тетрадь, куда записывал все услышанные им примеры народного тюремного фольклора, передаваемые из уст в уста:

По Советскому Союзу
Цены снизили опять:
ручки на 10 процентов
А гармонь на 25

Телевизор уценили
Горизонт и Электрон
Но того не уточнили
Кому на хер нужен он.

Водка нынче до пяти
Ну и мать её ити
Пиво тоже, но оно…
Теперь дороже

К нам селёдку запустили
Там, где были караси
Караси долбят селёдку
Получились иваси
И спасибо дяде Лёне
Что пока что есть такси —
Как поешь иваси и проедешь на такси
От получки до аванса хрен соси.

Колбасу мы видим в бане
Под пупком у дяди Вани
И меха мы видим в бане
На манде тёти Мани

Мяса нет, колбас не стало,
Скоро сало доедим
Баб своих любить не станем,
Всех китайцам продадим.

10

На «воле» всё установилось, встало на свои места, изо дня в день происходили одни и те же события, действия, маршруты, разговоры, впечатления. Татьяна ездила на работу, Максим ходил в школу, учился «нормально», класс готовился к празднику мам, дню 8 марта, где Максим выступал на концерте со стихотворением, ждал каникул, на трамвае ездил три раза в неделю в бассейн «Труд», собирался записаться в кружок во дворец пионеров, но пока не решил в какой. Евдокия Ивановна не унималась, перед отправкой посылок давая ценные советы, и не только на счёт мыла. Каждый по отдельности в течение дня, а по вечерам и выходным — все вместе вспоминали и любили Бориса.

Летом Максимка теперь бывал в пионерских лагерях, как правило на одну смену. Лагеря эти были очень разные несмотря на то, что все они были для равных детей теоретически равных советских людей. Теория социалистического равноправия возможностей сильно шаталась уже начиная с пионерских лагерей, так как выходило так, что они были для немного разных категорий маленьких граждан. Были лагеря хорошие, куда Максимка теперь мог попасть только «по блату» через каких-нибудь знакомых или маминых подруг, а были просто пионерские лагеря для детей обычных граждан… Обязательным атрибутом простого лагеря был тройной одеколон, которым нужно было мазаться от комаров. И вот что странно, с хорошим лагерем тройной одеколон почему-то никогда не ассоциировался, не может же быть так, чтобы там не было комаров? Хороший лагерь отличался от простого как пятизвёздочный отель от барака: еда, вожатые, развлечения, корпуса, досуг — всё было совершенно разное. В хороший лагерь Максимка всегда готов был поехать ещё на одну смену или на следующий год, из обычного просил забрать его через три дня, писал письма и капал в них слёзками обиды и отчаяния.

11

Жизнь, а точнее существование человека в обычном лагере в первой половине восьмидесятых годов было отработано советской системой ИТК и подчинялось абсолютному механически-бессобытийному закону линейных связей, распорядка, поощрений и наказаний; если угодно, то это была математически равновесная модель тюремного социума. За четыре года, которые провёл здесь Борис не случилось ни одного события, которое выбивалось бы из распорядка дня. Раз в полгода ему были положены свидания, от одних суток до трёх — по заявлению, на усмотрение начальника лагеря — каждые полгода к нему приезжала на свидание Татьяна и их на это время селили в специальном бараке для свиданий; дважды Татьяна приезжала с Максимом. По истечении половины срока Борис стал писать прошения на УДО — условно — досрочное освобождение. На пятом году срока Бориса перевели на более мягкие условия — на вольное поселение, в бесконвойный посёлок в селе Карманово в Смоленской области — надо было только каждое утро отмечаться в ИТК поблизости. Здесь Борис работал на лесопилке. Работа тяжёлая, особенно она осложнялась тем, что в каждом втором дереве находились осколки или пули, застрявшие со времён войны: тяжелейшие бои, которые были здесь повсеместно напоминали о себе ежедневно — пилы ломало и клинило, а Борис каждый день приносил домой полные карманы железных осколков, которые приходилось выпиливать, вырубать, выбивать из стволов вручную; план лесопилка катастрофически не выполняла, иногда простаивая целыми днями из-за заклинивших от осколков пил. Зато теперь Татьяна могла приезжать чаще и оставаться дольше, да и Максима привозить с собой в каникулы, хотя казённая комната в домике на четыре семьи для вольных поселенцев была неуютна и неприветлива, к тому же полна мышей, которые не давали спать всю ночь — чем-то безостановочно шуршали, скреблись, пищали, громко что-то грызли и умудрялись залезать даже в подвешенную к потолку сумку с продуктами. Остальные три квартиры занимали соседи — такие же расконвоированные и не очень общительные мужики, каждый со своей историей, со своей статьёй, со своими мыслями. Одним из соседей был более-менее приветливый красивый кавказец, с которым Борис немного общался, а когда к ним обоим приехали семьи, то начали общаться жены и дети; как-то они все стояли на улице, был тёплый весенний день, младшие дети кавказца гладили и играли с котятами недавно окатившейся кошки Маруськи, а Максим принёс из дома в блюдце молока для Маруськи. Все улыбались и умилялись на котят, как вдруг один из них куснул гордого горца за голый палец, торчащий из вьетнамского тапочка. Тот что-то крикнул, нагнулся, схватил котёнка и с размаху убил его, бросив об дорогу. Наступило молчание, все смотрели на ещё шевелившегося и хрипевшего на дороге котёнка. Борис потянул за руку сына, обнял за плечи жену, и они ушли к себе.

— Максим, запомни этот случай, — придя домой сказал Борис. — И знай навсегда. Таковы люди. И не только «эти».

12

Борис продолжал писать прошения на УДО, но началась эта привычная и такая знакомая российская тоскливая волокита. Для того, чтобы выйти по УДО должен был состояться суд, но проходила неделя за неделей, а ничего не менялось. Каждую неделю Борис ждал суда, и каждую неделю — одни только обещания, ждите и ждите, судья больна, и заменить её некому. Никто точно не знает, когда судья поправится, а дело в суде уже месяц, второй, третий, четвёртый… Или вот — судья поправилась, но настали праздники, никто не работал. Никто ничего не делал, ссылаясь на праздники. Потом приехал прокурор, который возражал против УДО для Бориса. «А Вам следует ещё полгодика посидеть» — приторно причмокивая губами говорил он.

— Но почему, какая у Вас мотивация? Обоснования?

— У меня нет мотивации. Это у Вас она должна быть. И основания. А я и так на свободе.

И прокурор уехал, лишь улыбаясь чему-то, глядя себе под ноги.

Так продолжалось до тех пор, пока однажды в их московской квартире не раздался звонок в дверь и на пороге не появился Борис — седой, заросший, в телогрейке, с самодельными клеёнчатыми сумками.

— Папа!!! — восторженно закричал Максим.

— Боря! Боже, какое счастье! Что же ты не позвонил! — плакала, обнимая мужа Татьяна.

— Ну вот, захотелось сделать хоть какой-нибудь за пять лет сюрприз, — весело отвечал Борис, ставя на пол тяжеленные сумки, полные самодельных подшивок самых разнообразных журналов.

По условиям УДО, в Москве Борис остаться не мог и 5 следующих лет он должен был провести за чертой сто первого километра от Москвы; для него началась относительно свободная, очередная новая жизнь. Место нашлось в совхозе «Первомайский» Калужской области, где Борис уже через год стал завгаром и вновь обрёл к имени отчество. К тому времени он уже забрал у шурина свою Волгу, которой тот пользовался, пока Борис сидел; машину бы обязательно конфисковали, если бы её, как и многое другое имущество, не переписали на тёщу. Борис теперь приезжал на выходные в Москву — увидеть всех и пополнить запас продуктов, которые можно было купить только в Москве, в совхозном сельпо из еды был только хлеб, кисель, трёхлитровые банки с соками, ну и что-то по мелочи. Деревенские держали свиней, коров, кур и прочую живность, огороды, гнали самогон — поэтому сахар и дрожжи были в особенном дефиците. Там на килограмм дрожжей Борис Михайлович с Максимом выменяли чудесного щеночка, очень милого пёсика Рыжика. Какую-то часть каникул Максим проводил у папы. Поначалу папе выделили комнату в здании детского сада, с огромным количеством комаров, которые залетали сквозь вентиляцию, а затем, как полагалось сотруднику совхоза — небольшую квартиру в одноэтажном доме. Квартира должна была состоять из двух жилых комнат, но одну из них отрезали (заложили дверной проём посередине квартиры кирпичом) и поселили туда пастуха с семьёй, пробив в стене с противоположной стороны дома дыру для входа-выхода, которую в отсутствии двери пастух просто занавесил одеялом. У Бориса Михайловича осталась жилая комната, комната — кухня и деревянная веранда. Внутри была печь, но её нельзя было топить, печь дымила, разваливалась и не поддавалась ремонту, так как была положена просто на песок, без цемента. Это был новый, только что построенный дом для тружеников села из условно подходящих для этого бетонных плит, отлитых для многоэтажных домов с балконами, каким-то образом, как всегда кем-то, где-то и почему-то выделенных совхозу. Балконные проёмы заделали, так как балконов в этих домах не предполагалось. Было понятно, что в каком-то близлежащем городе не из чего было строить многоэтажные дома, так как плиты для этих домов «ушли» в совхоз, ну так что же, «перекосы на местах» было привычным тогда явлением. Воды в доме не было, внутри не было ни туалета, ни ванной ком-

наты, поэтому на веранде Борис обустроил рукомойник, а на зиму заносил его внутрь, в комнату. Привычный для деревни деревянный туалет был на улице. Вода была на улице, в колонке и добывалась с помощью ведра, повешенного на специальный нажимной рычаг: взял ведро, налили воды; ближайшая работающая баня имелась в десяти километрах от деревни, в городе Боровке, который все местные жители называли просто «Город», и так понятно. Баня была грязной и холодной, с кранами, торчащими из стены и серыми шайками для смешивания горячей и холодной воды. Нормальный банный комплекс с душевыми располагался в полузакрытом Обнинске, но до него было ехать больше двадцати километров. С соседями был общий двор, сарай, где откармливались поросята, клетка с кроликами, ну и пожалуй всё. Пастух трезвым не бывал никогда, также как и его жена Нина, у них был двухгодовалый сын Петька, всегда грязный и голодный, и примерно 12-летнего возраста дочь Зульфия, которая жила отдельно от них где-то в Москве у бабушки. Гриша с женой постоянно дрались и орали. В общем, рядовая сельская жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.